

М. А. Иванова

Церковный звон на Руси в XI–XIV вв.

Статья посвящена становлению студийской традиции церковного призыва, регламентировавшей повседневную жизнь византийских обителей, а со второй половины XI в. – Киево-Печерского монастыря. На основе материалов оригинальных древнерусских источников в статье рассмотрены уникальные обычаи церковного призыва, впоследствии ставшие основой для формирования колокольных звонов на Руси.

Ключевые слова: звуковая регламентация, ударение, било, клепало, бильница, пономарь.

M. A. Ivanova

Church Chime in Russia in XI–XIV centuries

The article deals with the formation of the church call tradition that regulated everyday life in Byzantine cloisters and since the second half of the XI-th century in the Kiev-Pechora Monastery. The original Old Russian sources permit to examine the unique church call traditions that in the course of time have transformed into the bell ringing in Russ.

Keywords: sound regulation, striking, bilo, a striking agent, a bilo-set, sexton, church call, bell.

На протяжении тысячелетнего периода русской истории колокольный звон, по существу, пронизывал все стороны общественной жизни: созывая на вече, он являлся символом политического единства, когда подступал враг – набатный звон поднимал народ на защиту Отечества. Именно на Руси колокола стали звуковым атрибутом церковного богослужения. Примечательно, что колокольный звон как сакральный феномен западноевропейской культуры в своей основе органически связан с восточно-христианской литургической традицией церковного призыва.

Наиболее древней формой звона, возникшей в обителях Ближнего Востока в конце IV в., являлось ударение – способ звуковой регламентации монастырской жизни посредством поочередных ударов колотушкой по деревянному или металлическому брусу – дереву (в церк.-слав. интерпретации – билу или клепалу). Одной из богатейших традиций ударения, повлиявшей на развитие национальных основ церковного звона, стала студийская, впервые зафиксированная в уставе «Начертании» константинопольской обители Феодора Студита (759–826) [1, с. 341].

С X в. студийская традиция призыва была усвоена крупнейшими монастырями Византии. Внутренняя жизнь обителей империи регламентировалась при помощи целого комплекса бил, о чем красноречиво говорят их названия: «сборное», «великое», «малое», «будильное», «трапез-

ное» и др. Используя разные тембры, динамику, ритм и темп, монах производил различные вариации ударения. Это привело к формированию особых «чинов», применяемых на будничные, праздничные, постовые, пасхальные богослужения и внутримонастырские обряды.

В конце XI в. Студийский устав был официально принят на Руси. Русские монастыри сохранили византийский образ ударения и вместе с тем обогатили его самобытными чертами, национальным звучанием и символикой.

Предлагаемая статья является попыткой показать этапы становления студийской традиции звуковой регламентации и ее адаптации в повседневной жизни русских монастырей со второй половины XI в.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: 1) раскрытие особенностей исторического процесса адаптации студийских обычаев призыва в Киево-Печерской обители со второй половины XI в.; 2) воссоздание первоначальной традиции ударения как основы для построения колокольных звонов на Руси.

На Руси формирование студийской традиции церковного призыва проходило в два этапа: *вторая половина XI в.* – принятие игуменом Киево-Печерского монастыря Феодосием Печерским (+1074) Студийского устава в качестве регулятора литургической жизни обители и вместе с тем правил звуковой регламентации. Результатом ре-

формы стал церковно-славянский перевод устава константинопольского патриарха Алексия Студита (1025–1043); *конец XI–XIV в.* – период адаптации студийских обычаев церковного призыва в русских обителях и формирование национальных особенностей ударения.

Существует две версии истории поиска и введения Студийско-Алексеевского устава в Киево-Печерском монастыре. Согласно первой, в 1062 г. Феодосий Печерский отправил одного из иноков в Константинополь к Ефрему Скопцу – казначею князя Изяслава – для списания полного устава. Выбрав образцовый типик монастыря Успения Пресвятой Богородицы, Ефрем подготовил комплект греческих богослужебных книг, необходимый для перевода и последующей организации богослужения и монашеской жизни в Киево-Печерской обители. Греческие богослужебные книги были доставлены из Константинополя в Киево-Печерскую обитель (вероятно, до 1067 г.), где еще при жизни преподобного Феодосия был осуществлен их перевод [12, с. 83].

Вторая версия приводится в летописном «Сказании чего ради прозвася Печерский монастырь» под 6559 г. (1051), где говорится, что неполный список Студийско-Алексеевского типика Феодосий Печерский получил от некоего студийского монаха Михаила, пришедшего в Киев. Вместе с тем, по мнению митрополита Московского Макария (Булгакова), преп. Феодосий получил оба списка одновременно и использовал их для сличения и исправления [2, с. 155].

Однако материалы Студийско-Алексеевского устава с той или иной степенью достоверности раскрывают уставные характеристики звуковой регламентации. Достаточно целостную картину первоначальной традиции ударения на Руси можно проследить, основываясь на сведениях оригинальных письменных памятников. Наиболее ценные сведения представлены в одном из Посланий Феодосия Печерского к инокам, в летописных сводах XIV–XVI вв., редакциях Киево-Печерского Патерика XIII–XVIII вв., Житии кн. Феодора Ярославского и Ростовского, а также в рукописном Сборнике молитв второй половины XIII в.

По подобию византийских обителей призыв на утреню начинался с пробуждения братии и двух серий ударения. Уникальные сведения об этом приведены в одном из Посланий к инокам Феодосия Печерского, датированного XV в. В силу важности содержания приведем текст Послания в оригинальном изложении: *«По ударении била не хорошо нам лежать, но следует встать на*

молитву, как нас учил богоносный Феодор и держать в уме псаломское слово: “Готово сердце мое Боже, готово сердце мое”. Когда кончится *второе ударение*, тогда ноги свои приготовим на шествие церковное, имея “недряхлый” помысел, но в веселии взывать хвалу Живодавцу Богу» [3, л. 111 об.-112].

При первом сигнале монахи, произнося псаломский стих, внутренне настраивались на славословие Богу. Второй призыв подвигал иноков на радостное «в веселии» вхождение в храм, о бодром «недряхом» помысле, о внутреннем «взывании хвалу Живодавцу Богу». Иноческое вхождение в храм являлось началом службы.

В своде русских летописей и списков Киево-Печерского Патерика встречается шесть фрагментов, где говорится о билах, их расположении в обители, о монахе, совершавшем призыв, и «знаковых» событиях, связанных с ударением. В каждом из сюжетов призыв понимается двуприродно – как вещественный атрибут монастырского быта и в то же время как «знак» свыше, предвестник значимых исторических событий.

Это прослеживается в летописном сюжете о Матфее Прозорливце, сподвижнике и ученике Феодосия Печерского. Жизнеописание Матфея проникнуто видениями истонных «врагов человечества». Эти видения были связаны как с внутренней жизнью братии монастыря, так и в целом с исторической ситуацией Древней Руси. Однажды, отстояв заутреню, старец Матфей последним покинул церковь. Поскольку келья его была далеко, старец решил отдохнуть, найдя пристанище под билом. В этот момент святой видит толпу бесов во главе с «предводителем», идущих в монастырский двор от ворот обители. Причиной их появления явилось искушение одного из иноков покинуть монастырь [6, стлб. 209]. Упоминание в сюжете церковного била символично. Как уже говорилось выше, существенным литургическим назначением призыва являлось собирание иноков, укрепление их молитвенного единства. Появление толпы нарушило целостность и соборность монастырской братии, что повлекло отпадение одного из них. С другой стороны, било в сюжете выступает как обыденный церковный предмет, расположенный недалеко от храма.

В период клепания монастырь чудесным образом оберегался Богом, создавалось «невидимое ограждение» от враждебности внешнего пространства. Однажды темной ночью пришли в монастырь разбойники. Говорили они, что в церкви скрыто богатство монастырское, и потому

не пошли по кельям, а устремились к храму. Но тут услышали голоса поющих. Подумав, что это братия поет вечерние молитвы, разбойники отошли. Переждав некоторое время в лесу, они решили, что уже окончилась служба, и снова подошли к храму [...] И вот уже настал час заутрени. *Пономарь, испросив благословения игумена, начал клепать на утреню.* Злодеи, подождав немного, двинулись на иноков. Но едва приблизились, как случилось чудо: отделилась от земли церковь и вместе со всеми бывшими в ней вознеслась в воздух. Разбойники, увидев такое чудо, пришли в ужас и в страхе возвратились к себе домой. И с этой поры, раскаявшись, никому не причиняли зла [11, с. 304].

В большинстве списков Киево-Печерского Патерика приводится фрагмент, где говорится об ударе, возвестившем кончину пресвитера Дамиана. Св. Дамиан являлся примером кротости и незлобия, за что прославился даром исцеления «изнуряемых болезнями». В день смерти св. Дамиана Феодосий Печерский собрал всю братию проститься с угодником Божиим. Когда святой «с миром предал свою душу Господу», преп. Феодосий «повеле ударити в било» [7, с. 10]. В сюжете основное внимание акцентируется на «мирной» кончине как славном итоге жизненного пути святого, как достойном приобретении Вечности. Поэтому важность данного события усиливается объединяющим сигналом била.

Время утреннего призыва в Киево-Печерской обители было ознаменовано событием обретения мощей Феодосия Печерского в 1091 г. Об этом повествуется в одном из летописных сюжетов. Так, за три дня до праздника Успения Богородицы игумен повелел «рушители» пещеру, где лежали мощи преп. Феодосия. В полночь мощи были обреты в тот час, когда ударили в било к утреннему богослужению [7, с. 160]. Смысловый акцент фрагмента заключается в том, что ударение возвещало не только начало утрени, но переломное событие в жизни Киево-Печерского монастыря и всей Руси. Заметим, что звучание била слышалось за пределами обители. Это могло значить, что и внешнее пространство также приобщалось к ритму монастырской жизни, воспринимало «знаковые» события и в некоторой степени было сопричастно аскезе и иноческому житию. В этом корень древнерусского понимания звуковой регламентации – преодоление внутреннего монастырского пространства и звучание «во вне» и тем самым соиздание литургического пространства во внешнем мире.

В частности, в Житии князя Феодора Ярославского и Ростовского (+1298) приводится фрагмент о перенесении князя в Спасо-Преображенский монастырь и предсмертное пострижение его в монашество: «И был вечер [...] блаженный князь начал скорбеть и, призвав игумена и братию, повелел постричь себя в схиму. И так исполнил обещание Богу с великой и теплой верой и душевной любовью. И повелел выйти всем вон, кроме одного игумена. В то время, когда начали созывать на утреню, князь почил». После его кончины «начали звонить в колокола и собралось народу многое множество» [9, с. 95, 97]. Здесь клепание в било не просто «знак» собрания иноков на утреню, но и предвестник близкого «исхода» святого. В то же время колокольный звон, как соборный, торжественный сигнал прославил святую кончину благоверного князя.

Тема «звучания во вне» с особой полнотой отражена в «молитве, егда звонят ли клеплют», которая помещена в рукописном сборнике молитв второй половины XIII в. Описание памятника представлено в «Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР» и датированных XI–XIII вв. [10, с. 77]. В настоящее время сборник хранится в Ярославском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике и принадлежит библиотеке Спасо-Преображенского монастыря.

Рукопись является сводом, составленным по структуре часослова Студийского устава. В соответствующих местах часослова были размещены молитвы, сочиненные печерскими иноками, Кириллом Туровским, а также взятые из славяно-католического бревиария. В Ярославль рукопись могла быть прислана из Киева в руководство тамошним монастырям [8, с. 72].

Интересующая нас молитва принадлежит перу преп. Кирилла, еп. Туровского (ум. до 1182 г.), церковного деятеля, автора многих поучений и торжественных слов. Кирилл родился в Турове в состоятельной семье. Известно, что он постригся в монахи и некоторое время был строгим затворником. Литературное мастерство принесло ему прочную и долгую славу. Его слова постоянно включались в состав сборников, наряду с произведениями византийских проповедников и богословов.

Молитва, несмотря на свою краткость и емкость, позволяет составить более или менее цельное представление о роли и значимости церковного призыва в литургической жизни Руси XIII в.: «Глас радости спасения в селех правед-

ных, всходяй на небеса горе к церкви Бога нашему Иисусу Христу, о нем же буди священство всем. Господи Иисусе Христе Боже наш. Помилуй нас» [4, с. 320].

В тексте особое внимание привлекают образы клепания как «гласа радости», восходящего «на небеса», в горня «к церкви Бога нашего». Призыв являлся «священством» всех слышавших, объединявшим в едином устремлении верующих к церкви, ко Христу. Именно в прославлении Бога, выражении торжества Православия, объединении всех духовных сил и заключалась русская традиция звуковой регламентации в интересующий нас период.

В заключении сделаем следующие выводы:

Феноменом церковного звона Средневековой Руси было постепенное усвоение восточно-христианской традиции удара и воплощение этой традиции в колоколах и колокольных звонах. Однако слова «клепание» и «ударение» до сих пор используются в богослужебных изданиях по отношению к колоколам и звону, что говорит об особом почитании древневосточных литургических установлений.

В народном сознании и сегодня звон как символ является воплощением духовности, нравственности, чистоты. В настоящее время особенно важно дать определение роли колокольного звона в историческом и культурном становлении Русского государства, сформировать современный взгляд на литургическую составляющую православного звона, которая может быть понята только при условии приобщения к опыту церковной жизни.

Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Многоценная жемчужина [Текст] / С. С. Аверинцев. – К., 2004. – 321 с.
2. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви [Текст] / митр. Макарий (Булгаков). – Том II. Книга 2. – М., 1996. – 678 с.
3. ОР РГБ. – Рум. собр. – № 406.
4. ОР ЯМЗ. – № 15481 (№ 387) : сборник молитв (Молитвослов или Часослов) // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв. – М.: Наука, 1984. – С. 320.
5. Патерик Киевского Печерского монастыря. Издание Императорской Археологической Комиссии. – СПб., 1911 (Памятники славяно-русской письменности). – 220 с.
6. ПСРЛ. Т. 1. – М., 1962.
7. ПСРЛ. Т. 9. – СПб., 1862.
8. Раевский, А. С. О часослове библиотеки Ярославского архиерейского дома XIII в. с молитвами Феодосия Печерского, Кирилла Туровского и славяно-

католическими [Текст] / А. С. Раевский // Труды 11 археологического съезда в Киеве. – 1899. – Т. II. – М., 1902 (Протоколы). – С. 72–73.

9. Серебрянский, Н. Древнерусские княжеские жития [Текст] / Н. Серебрянский // Чтения в Обществе истории и Древностей Российских. – М., 1915. – Кн. 3. – С. 95, 97.

10. Соболевский, А. И. Несколько редких молитв из русского сборника XIII в. [Текст] / А. И. Соболевский // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. – Т. X. – Кн. 4. – С. 77.

11. Творогов, О. В. Житие Феодосия Печерского [Текст] / О. В. Творогов // Памятники литературы Древней Руси XI – начала XII века. – М., 1978. – С. 304–390.

12. Уханова, Е. В. Особенности богослужения Русской Церкви IX–XIV вв. [Текст] / Е. В. Уханова // Вестник Российского Гуманитарного Научного фонда. – 2000. – № 3. – С. 83–93.

Bibliograficheskij spisok

1. Averintsev, S. S. Mnogotsennaya zhemchuzhina [Tekst] / S. S. Averintsev. – K., 2004. – 321 s.
2. Makarij (Bulgakov), mitr. Istoriya Russkoj Tserkvi [Tekst] / mitr. Makarij (Bulgakov). – Tom II. Kniga 2. – M., 1996. – 678 s.
3. OR RGB. – Rum. sobr. – № 406.
4. OR YAMZ. – № 15481 (№ 387) : sbornik molitv (Molitvoslov ili Chasoslov) // Svodnyj katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khraryashhikhsya v SSSR XI–XIII vv. – M.: Nauka, 1984. – S. 320.
5. Paterik Kievskogo Pecherskogo monastyrya. Izdanie Imperatorskoj Arkheograficheskoy Komissii. – SPb., 1911 (Pamyatniki slavyano-russkoj pis'mennosti). – 220 s.
6. PSRL. T. 1. – M., 1962.
7. PSRL. T. 9. – SPb., 1862.
8. Raevskij, A. S. O chasoslove biblioteki Yaroslavskogo arkhiejskogo doma XIII v. s molitvami Feodosiya Pecherskogo, Kirilla Turovskogo i slavyano-katolicheskimi [Tekst] / A. S. Raevskij // Trudy 11 arheologicheskogo s'ezda v Kieve. – 1899. – T. II. – M., 1902 (Protokoly). – S. 72–73.
9. Serebryanskij, N. Drevnerusskie knyazheskie zhitiya [Tekst] / N. Serebryanskij // CHteniya v Obshhestve istorii i Drevnostej Rossijskikh. – M., 1915. – Kn. 3. – S. 95, 97.
10. Sobolevskij, A. I. Neskol'ko redkikh molitv iz russkogo sbornika XIII v. [Tekst] / A. I. Sobolevskij // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovestnosti imperatorskoj Akademii nauk. – T. X. – Kn. 4. – S. 77.
11. Tvorogov, O. V. Zhitie Feodosiya Pecherskogo [Tekst] / O. V. Tvorogov // Pamyatniki literatury Drevnej Rusi XI – nachala XII veka. – M., 1978. – S. 304–390.
12. Ukhanova, E. V. Osobennosti bogosluzheniya Russkoj Tserkvi IX–XIV vv. [Tekst] / E. V. Ukhanova // Vestnik Rossijskogo Gumanitarnogo Nauchnogo fonda. – 2000. – № 3. – S. 83–93.